

Тан Тань долго не знала, что ответить. К тому же Шэнь Тяньцин смотрела на нее, и этот взгляд, до боли напоминавший ее отчима, казался совершенно чужим.

Время летело так быстро, что она уже почти забыла, каков был характер Шэнь Тяньцин в детстве.

Сейчас она немного ее боялась.

Придя в себя, их общая мать протянула руку и слегка шлепнула Шэнь Тяньцин:

— Как ты разговариваешь со своей сестрой?

Как раз в этот момент маленькая племянница протянула пульт, и Шэнь Тяньцин нажала кнопку, переключив канал.

Малышка обиженно надула губки, и Шэнь Тяньцин ущипнула ее за щечку.

Лицо Тан Тань было неважным: атмосфера между ними стояла такая неловкая, что это почувствовал даже ребенок.

Было уже поздно, няня увела девочку спать, и Чэнь Гэни снова переключила телевизор.

Она спросила:

— Как зовут эту девушку?

— Мэн Хэн, — ответила Шэнь Тяньцин.

Чэнь Гэни прекрасно знала, чего стоит ее старшая дочь. Та была ребенком от первого брака, с широким кругозором и бурной личной жизнью в подростковом возрасте — крутила романы налево и направо, встречалась и с парнями, и с девушками, причем поначалу даже скрывала это от матери.

В мире взрослых кто-то смотрит на отношения консервативно, а кто-то повидал виды, так что ничего удивительного. Чэнь Гэни считала, что Тан Тань просто любит погулять, и рано или поздно остепенится, но она никак не ожидала, что ее старшая дочка окажется столь ветреной в сердечных делах. Непонятно, какими мотивируемая побуждениями, она довела хорошего человека до такого конца.

Такие дела в семье еще можно было уладить, но стоило вмешаться Шэнь Тяньцин, как все шло прахом.

Чэнь Гэни дважды видела Ши Сюй: сначала думала, что она просто подруга Тан Тань, а потом поняла, что это подруга в романтическом смысле.

Мало того, что Тан Тань изменила Ши Сюй, так еще и последовавшие за этим события лишь ускорили будущую трагедию. Характер у той был довольно жесткий: принцип «никогда больше не видется и не общаться» она воплотила в жизнь безукоризненно, а от какой-либо

компенсации со стороны семьи гордо отказалась.

Но Чэнь Гэни никак не ожидала, что ее младшая дочь окажется стопроцентной лесбиянкой, да вдобавок влюбится в бывшую пассию своей сестры и после ее смерти полностью изменится.

Тан Тань подняла глаза на экран. Мэн Хэн выглядела невероятно свежо, так и пышет молодостью, юношеская незрелость запечатлелась на ее лице. Когда она улыбалась простодушно и открыто, в чертах ее лица угадывалось что-то от той самой, но как ни смотри, заменить Ши Суй она не могла.

Ши Суй была мертва уже двенадцать лет. Тан Тань думала, что отпустила прошлое, но поняла: как бы отчаянно она ни бросалась в новые отношения, ей никогда больше не обрести то чувство, что было рядом с Ши Суй. Возвращаясь на родину, она предвидела возможные столкновения с младшей сестрой Шэнь Тяньцин, но они так долго жили в мире и согласии, что буря разразилась именно сегодня вечером.

— Не похожа.

Только Тан Тань успела это произнести, как Чэнь Гэни ущипнула ее за руку.

Та поморщилась. В глазах Шэнь Тяньцин это лицо выглядело старше, чем прежде — скорее, просто более зрелым. Усталость от неудачного брака наложила на него свой отпечаток, и от той Тан Тань, что когда-то сияла от счастья и захлеб рассказывала о своей идеальной любви, не осталось и следа.

Мы все изменились.

И только мертвые остаются прежними.

У Тан Тань были длинные глаза с одинарными веками, но очень классической формы — точь-в-точь как у Чэнь Гэни. Ши Суй говорила, что, впервые увидев Тан Тань, подумала, будто та сошла с картин художника Линь Фэнмяня.

Тан Тань с юности занималась искусством: ее мать работала в сфере арт-менеджмента, а сама она специализировалась на керамике, и всякие глиняные вазочки и безделушки были ее страстью.

Шэнь Тяньцин помнила каждое слово, которым Ши Суй расхваливала Тан Тань. Когда они втроем куда-нибудь выбирались, или пока Тан Тань отлучалась что-нибудь купить, Ши Суй сидела с ней на скамейке, ела мороженое и говорила: «Твоя сестра такая милая, глиняные собачки, которых она лепит, мне очень нравятся».

В глазах окружающих Ши Суй обладала огромным обаянием, да и наедине любила похвастаться. Она обожала хвастаться даже перед Шэнь Тяньцин, которая тогда еще ходила в среднюю школу, и позвякивала перед ней своими брелоками.

Шэнь Тяньцин в те годы еще не отличалась нынешней язвительностью и бестактностью, она просто бросила взгляд:

— Очень мило. Похоже на тебя.

Тогда Ши Сюй потрепала ее по волосам и со смехом отчитала:

— Мелюзга, ты что, обзываешься?

Шэнь Тяньцин буркнула в ответ:

— Ничего подобного.

Времени на общение выпадало немного — в конце концов, парочки в разгар бурного романа не любят брать с собой третьих лишних. Поначалу Тан Тань брала ее с собой для отвода глаз, чтобы показать матери, но позже, когда Чэнь Гэни обо всем узнала, они перестали так ухищряться.

Представления Шэнь Тяньцин о чувствах и романтике во многом сформировались именно в тот период, когда она играла роль вечной третьей лишней.

А годы спустя этот роман превратился в груды мусора: Ши Сюй порвала с Тан Тань и умерла так внезапно, что Шэнь Тяньцин даже во сне не могла ее увидеть.

Лишь изредка она вспоминала прошлое и постыдно воображала, будто это ее прижимают к стене в типом переулке и целуют, измазавшись мороженым.

Но этого не было, быть не могло, и в этой жизни уже никогда не будет.

— Чем не похожа? Расскажи подробнее.

Няня вынесла чайник с цветением жасмина. Сам по себе высокий стеклянный чайник из боросиликатного стекла выглядел очень красиво, а цветы внутри него распускались в воде — точно так же мертвые были преданы забвению.

Чэнь Гэни закрыла глаза, потерла переносицу и уже в сто восьмой раз пожалела о своем решении.

Она слишком переживала, ее постоянно тревожили отношения между двумя дочерьми. Из-за покойницы все так накалилось, что игра не стоила свеч.

Одна погрязла в убогом семейном быту, словно выбрав ошибочный вариант лишь бы убежать от реальности.

Другая заточила себя в старых снах и каждый день влачит жалкое существование.

Стоило ли оно того? Имело ли смысл?

Она еще могла бросить Тан Тань упрек в духе «знала бы прикуп, жила бы в Сочи», но перед Шэнь Тяньцин она просто не знала, что сказать.

Потому что время было упущено: даже если бы Тан Тань и Ши Сюй действительно поженились и жили долго и счастливо, Шэнь Тяньцин оставалась бы всего лишь младшей сестрой.

— Ничем не похожа, — Тан Тань сделала глоток чая.

Хотя макияж скрывал усталость и лицо выглядело свежо, за ним пряталось полное изнеможение. В тех самых глазах, которые так восхваляла Ши Сюй, не осталось прежнего живого блеска — лишь выжженная тяготами жизни безысходность. — Малышка, я знаю, что ты меня ненавидишь, но в этом нет никакого смысла.

Проблема, о которой они годами старались молча не вспоминать, сейчас была выложена как на духу.

Хотя, строго говоря, ее уже выкладывали — в день похорон Ши Сюй.

Тогда Тан Тань и Ши Сюй расстались уже три года назад. Тан Тань успела выйти замуж за английского профессора, а дома она ссорилась с Шэнь Тяньцин, которая вернулась с похорон Ши Сюй вся в синяках и ссадинах.

Впрочем, ссорой это назвать было трудно — Шэнь Тяньцин уже плакала, а на ее щеке красовался след от пощечины, оставленный кем-то из друзей Ши Сюй.

Отец Ши Сюй выбросился из окна после банкротства, а мать, годами лежавшая под трубками в реанимации, скончалась незадолго до трагедии. Из родственников из родного города приехала лишь тетюшка, но из-за сильной занятости она не могла взять все хлопоты на себя.

Шэнь Тяньцин была совершенно не в себе. Схватив Тан Тань за руку, она спросила ее:

— Я сделала что-то не так?

Тан Тань в тот год знала лишь то, что Шэнь Тяньцин очень любит Ши Сюй, но еще не понимала, какого рода была эта любовь, и только покачала головой:

— Это моя вина.

— Да, это ты во всем виновата!

— Она умерла, и только тогда я поняла, как сильно ее люблю. Тогда Шэнь Тяньцин еще не исполнилось и двадцати. На ее лице еще не было того отпечатка прожитых лет, когда кажется, что на нем написана вся твоя жизнь. Все ее переживания отражались прямо на лице, и это намертво врезалось в сердце Тань Тань.

Ей казалось, что Шэнь Тяньцин сошла с ума.

— Ты... любишь Ши Сюй?

Она опустила на корточки и, взяв Шэнь Тяньцин за руки, спросила ее об этом.

В тот год Тань Тань уже три года как не виделась с Ши Сюй. Их встреча была романтическим недоразумением: красная нить, завязанная алыми розами, где любовь и пламя ничем не отличались друг от друга.

Ши Сюй выросла в семье, полной любви. Она прекрасно умела создавать романтику и выражать свои чувства, ее любовь была бесконечной отдачей, не требующей взаимности, потому что в этом заключалось ее собственное счастье.

Поначалу все было прекрасно, но Тань Тань была совсем другой. Бывший муж Чэнь Гэни был художником, склонным к насилию и страдающим психическим расстройством. Любое начало любви так прекрасно, но конец редко оправдывает ожидания. Родительские отношения принесли Тань Тань безграничную боль: она поняла, что за обретением всегда следует утрата, и уверовала, что за все нужно платить свою цену. Мать вышла замуж ради картин отца, чтобы получить положение и славу, а брак с отчимом заключила ради капитала и возможностей матери.

Даже у долговечности есть свой предел, и любовь не исключение.

С одной стороны, она жаждала неугасимой любви, и в Ши Сюй она нашла ее, но в то же время казалось, что она что-то потеряла.

Она боялась превратиться в прирученную, боялась полюбить Ши Сюй до безумия, поэтому и решилась на предательство.

На вечеринке, имевшей для Ши Сюй важнейшее значение, она переспала с инвестором фильма, в котором они обе должны были сниматься.

Об этом узнали абсолютно все, и союз бисексуалки и чистокровной лесбиянки стал всеобщим посмешищем.

У Ши Сюй был прекрасный характер, но не сказать чтобы идеальный. У нее был свой нрав: когда она в Куншэ обучала младших, она была строга, но заботлива, а благодаря огромному таланту и достижениям, намного превосходящим обычных людей, в ней всегда жила капля гордости. Больше всего на свете она боялась унижения.

Тань Тань унизила ее и растоптала эти чувства. В тот день Тань Тань впервые увидела Ши Сюй в гневе.

Изначально она согласилась сниматься в фильме лишь ради подруги и вовсе не собиралась лезть в шоу-бизнес.

Тот мужчина был высоким, и в последовавшей стычке Ши Сюй даже одержала верх, что в итоге превратилось в злую шутку.

Конец был предсказуем, все пошло прахом.

Они расстались. Ши Сюй продолжила выступать в роли воительницы, но неприятности на этом не закончились: бизнес ее отца пострадал, денежные потоки иссякли, семья погрязла в долгах, и он выбросился из окна.

Мать от переживаний тяжело заболела, в театре на нее то и дело показывали пальцем, и в конце концов по дороге на работу она попала в автокатастрофу.

Вся семья распалась.

На плечи Ши Сюй легли огромные долги. Тань Тань ничего об этом не знала, потому что отклонила предложение руки и сердца от того инвестора, предпочла уехать за границу на магистратуру и закрутила роман с профессором.

Шэнь Тяньцин тогда была еще совсем ребенком, она мало что понимала и ее возможности были ограничены. К тому времени, как она во всем разобралась, Ши Сюй уже уволилась из театра и стала актрисой — из тех, что зарабатывают легкие деньги.

Некоторые люди злопамятны и используют чужие унижения как орудие мести, поэтому дела у Ши Сюй шли не лучшим образом.

Но ей было всё равно. Люди, изучающие традиционную оперу, с детства привыкли терпеть лишения, и когда к ней возвращалась ясность ума, она мыслила предельно трезво.

Некоторые вещи невозможно скрыть — например, ее талант. Когда количество фильмов перевалило за определенный рубед, многие стали узнавать ее в лицо.

И тем не менее у Ши Сюй по-прежнему не было денег. Всё, что можно было продать в доме, уже продали; учителя и друзья помогали чем могли, но это было лишь кашей в котелке.

Когда Син Сясюань яростно проклинала Тань Тань, Ши Сюй лишь весело улыбалась и никак не комментировала слова о дурном выборе людей.

За это Син Сясюань тыкала ее пальцем в нос и ругала за излишнюю мягкотелость, напоминая, что среди подонков встречаются как мужчины, так и женщины.

Шэнь Тяньцин тоже лишь тогда, когда однокурсники заговорили о Ши Сюй, с удивлением осознала, что ее зять теперь актриса.

Тань Тань рассталась с Ши Сюй внезапно, и Шэнь Тяньцин не знала причины, лишь сокрушалась: как же так, они были так близки, почему всё рухнуло?

Тань Тань молчала, и Шэнь Тяньцин не расспрашивала, но порой всё же тосковала по тем счастливым временам, когда они вместе перекусывали.

Кто бы мог подумать, что правда, скрывающаяся за разрывом отношений взрослых людей, окажется такой.

Чем больше она узнавала, тем сильнее сжималось ее сердце. В конце концов она проявила упрямство и, никого не слушая, решила податься в актрисы, а когда родители оказались против, даже объявила голодовку.

По-детски наивно полагая, что она тоже сможет помочь.

Забывая о том, что для чужой помощи нужно, чтобы ее хотя бы приняли.

Так они с Ши Сюй снялись в фильме — в единственной за всю жизнь картине в жанре уся под названием «Эхо Сичуаня».

Ши Сюй держалась с ней холодно, и от прежней нежности, когда та могла запросто потрепать ее по голове, не осталось и следа.

Самым близким моментом за всю съемку была сцена, где Ши Сюй несла ее на спине.

Горная дорога была неровной, но Ши Сюй уверенно держала шаг, а опуская ее на землю, редкостно обронила: Ну ты и худая.

Шэнь Тяньцин приоткрыла рот, собираясь что-то сказать, но передумала и, прислонившись к чужому плечу, расплакалась.

Она и сама не понимала, почему ей вдруг захотелось плакать.

Вспоминая об этом позже, она подумала, что люди всё же обладают неким предчувствием будущего, потому что уже тогда в глубине души она чувствовала: их с Ши Сюй связь была лишь принуждением.

Насильно мил не будешь — это и народная мудрость, и горькая правда.

Поэтому ей суждено прожить в муках всю жизнь, а сладость оставить на следующую.

— Я люблю ее. Люблю гораздо сильнее, чем ты.

В тот год Шэнь Тяньцин со слезами на глазах посмотрела на свою старшую сестру:

— Сестра, если ты и вправду любила ее, как ты могла обречь ее на такие муки?

Тань Тань не находила слов, руки ее застыли.

Она никак не ожидала, что всё обернется именно так, и уж тем более не могла предположить, что впоследствии Шэнь Тяньцин дойдет до такого безумия.

У нее действительно не было права утверждать, что она любит Ши Сюй.

В этот самый момент она даже не смела произнести фразу вроде: «Если Ши Сюй узнает об этом, ей будет только больнее», — потому что после всего содеянного у нее не осталось права рассуждать о чувствах Ши Сюй.

Но в то же время ей было бесконечно горько: что это вообще такое?

Разве сможет Шэнь Тяньцин найти кого-то похожего на Ши Сюй и полюбить этого человека так же сильно?

— Я знаю, что это бесполезно, поэтому много и не говорю.

Шэнь Тяньцин прикрыла глаза. Перламутровые тени на ее веках мерцали в свете ламп, но это не приносило тепла.

— Я просто ищу себе занятие.

— Надеюсь, Мэн Хэн меня не разочарует. Отыскать еще хоть кого-то, кто был бы похож на нее хотя бы на десятую долю, — уже огромный труд.

А Ши Сюй, ставшая Мэн Хэн, тем временем кокетливо извивалась перед камерой во время прямой трансляции, примеряя нелепые маски-стикеры и отвечая на вопросы поклонников.

— Сяо Хэн, сразу после выздоровления поедешь на съемки?

Ши Сюй издала неопределенный звук, с явным неудовольствием разглядывая на экране собственное отражение в парике.

— Сяо Хэн, а у тебя есть идеал? Ты ведь в прошлый раз так и не договорила в интервью!

Ши Сюй протяжно выдохнула и бесстрастно ответила:



— Есть. Тот, кто точно не станет мне изменяться.

<http://bllate.org/book/21030/2138500>